

ЯЗЫК И ИЗГНАНИЕ В РОМАНЕ М. ПУИГА “MALDICIÓN ETERNA A QUIEN LEA ESTAS PÁGINAS”

Анастасия Петровна Чагина

к. филол. н., доцент высшей школы лингвистики
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14
liolio@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9654-9318>

Статья поступила в редакцию: 25.06.2026

В статье рассматривается связь языка и изгнания в романе аргентинского писателя Мануэля Пуига “Maldición eterna a quien lea estas páginas”. Показано, как личный опыт автора в изгнании осмысливается через героев романа, построенного на основе диалога двух ненадёжных рассказчиков. Для героя основным средством вхождения в чуждую культуру и одновременно главным препятствием становится язык и слово, а обманчивость, неточность языка выливаются в полное недоверие к сказанному. Отмечено использование языка как средства политической борьбы. Сделан вывод, что язык играет центральную роль в романе и отражает неудачную попытку ассимиляции героя (и автора) в новой культуре.

Ключевые слова: Мануэль Пуиг, аргентинская литература, изгнание, язык, ненадёжный рассказчик.

Социально-политическая ситуация, сложившаяся в латиноамериканских странах (военные перевороты, укрепление диктаторских режимов, усиление репрессий и цензуры), привела к обширной эмиграции в середине и во второй половине XX в., в том числе среди интеллигенции, которая часто оказывалась неужодна новой власти. Неудивительно, что мотивы изгнания, потери дома, поиска себя получили широкое распространение в творчестве многих писателей той эпохи (И. Альенде, М. Бенедетти, Х. Кортасара и др.). С вынужденным изгнанием столкнулся и М. Пуиг, который покинул Аргентину, когда к власти вернулся Х. Перон. Угрозы от Triple A¹ в адрес писателя и его семьи не позволили ему вернуться из Мексики, а последующая «Грязная война»² навсегда отрезала его от родины.

Первые годы изгнания М. Пуига нашли отражение в романе «Ангельский пол» (*Pubis angelical*, 1979), на страницах которого он пытался не только осмыслить положение человека, лишившегося родины, но и разобраться в запутанной политической ситуации Аргентины. Следующий роман, «Вечное проклятие тому, кто прочтёт эти страницы» (*Maldición eterna a quien lea estas páginas*, 1980), во многом продолжил обозначенные ранее идеи (поиск себя, принятие другого и пр.), хотя акцент на изгнанничестве и утрате родины в нём был уже не столь явный.

Как и многие произведения М. Пуига, роман «Вечное проклятие тому, кто прочтёт эти страницы» вдохновлён событиями из личной жизни автора. В конце 1970-х гг. он жил в Нью-Йорке и преподавал в Колумбийском университете (Columbia University), где познакомился с молодым американцем, который мечтал стать писателем. Однако их дружба не сложилась из-за непреодолимых разногласий. Как отмечал сам М. Пуиг, «он разочаровался во мне, потому что я не соответствовал его представлениям о писателе, меня же поражало то, что он совершенно не осознавал своего привилегированного положения»³ (цит. по [Levine 2002: 271]). Именно этот конфликт лёг в основу романа, построенного на диалоге Ларри, молодого американца-марксиста, захваченного идеями революции, и Рамиреса, пожилого аргентинца, бывшего революционера, который из-за своей политической деятельности лишился не только родины, но и семьи.

Хотя М. Пуиг утверждал, что прототипом аргентинца в романе был его отец [Corbatta 1983: 620], а не он сам, попытка осмысления положения изгнанника, процесса интеграции в чуждую среду через образ Рамиреса очевидна. Как отмечал Ф. Л. Лиси, в то время многие представители аргентинской интеллигенции были вынуждены адаптироваться к другой национальности, чтобы спастись от своего двойственного положения [Lisi 1983: 207]. Так, Рамирес пытается узнать, как устроено американское общество, какие законы, традиции, обычаи в нём существуют. Он неоднократно просит Ларри показать свою квартиру, потому что никогда не видел, как живут американцы. Вместе с тем фигура пожилого человека сама является воплощением изгнанничества, поскольку он исключён из жизни общества, находится на границе жизни и смерти [Шкилёв, Дулаева 2022: 384]. Однако наибольшей трудностью для Рамиреса становится язык.

Представляется, что любой процесс вхождения в новую культуру начинается с освоения языка, без которого невозможно встроиться в общество. При этом важно, что механическое, техническое владение языком не гарантирует успешности этого процесса, о чём свидетельствует

как личный опыт М. Пуига, так и судьба Рамиреса. Прекрасное владение языком (первые киносценарии на английском М. Пуиг писал ещё в юности) не облегчило взаимопонимание с американским знакомым и не позволило надолго задержаться в США. Аналогично и герой романа, Рамирес, свободно говорящий на английском, не может понять Ларри. Проблема заключается в том, что Рамирес, зная и понимая значение слов, не может уловить их истинный смысл, не понимает, какие чувства и ощущения за ними стоят: «Я знаю слова, но не то, что происходило у тебя внутри» [Puig 1980: 110]. Он не доверяет языку, не доверяет словам, которые часто оказываются обманчивыми.

Такая неуверенность в языке, сомнение в его достоверности, непонимание самой его сути перекликается с идеями Х. Кортасара, который отмечал, что слова, подобно людям или лошадям, могут уставать, заболеть при частом, многократном употреблении. Он подчёркивал, что диктаторские режимы часто манипулируют словами, используют идеи и концепты в своих интересах, искажая и извращая их смысл [Cortázar 1984: 38–39]. Так и в романе М. Пуига слова утрачивают своё значение, поскольку всё сказанное часто оказывается обманом. Одни и те же события обсуждаются снова и снова, повторяются, пока смысл не утрачивается окончательно. При этом достоверность сказанного каждый раз ставится под сомнение, оспаривается. Например, Ларри то заявляет, что у него есть кот, то говорит, что кота нет вовсе, потом уверяет, что кот умер или потерялся: «Иногда люди врут просто так. У меня был кот, но он умер несколько месяцев назад. Не знаю, зачем я сказал, что он у меня всё ещё есть» [Puig 1980: 269]. Аналогичным образом он рассказывает о своей службе во Вьетнаме, постоянно меняя историю: то заверяет, что смог избежать армии благодаря своей политической позиции, то рассказывает о трудностях службы, то опять признаётся, что всё было выдуманной.

Читатель, таким образом, сталкивается с двумя ненадёжными рассказчиками. С одной стороны, перед нами Рамирес, перенёсший страшные пытки, после которых не только лишился памяти, но и рассудка. С другой – Ларри, который постоянно меняет версию событий и не видит необходимости откровенничать со стариком. Это усиливает чувство недостоверности, обманчивости языка.

Важно, что отношение героев к слову тоже отличается. Для Рамиреса важны слова, он уделяет внимание не только смыслу, но и тому, как сказано, постоянно уточняет, «Какими словами?» [Puig 1980: 86], тогда как для Ларри сами формулировки не имеют значения, важен лишь скрытый за ними смысл. Такое противопоставление обусловлено происхождением героев, принадлежностью к разным культурам. Если в

диктаторских режимах, установившихся в Латинской Америке, язык эксплуатируется как средство пропаганды, как способ манипуляции умами населения, то в США язык воспринимается как нечто, не имеющее силы. Рамирес обеспокоен языком, правильностью его использования, потому что слова стали причиной его приговора, разрушили его жизнь. Ларри, напротив, относится к сказанному небрежно, потому что не чувствует опасности: «Нет, в этой стране можно говорить о чём угодно. Главное не переходить к действиям» [Puig 1980: 105]. Таким образом, язык становится непреодолимым препятствием между героями.

В романе появляется третий язык, чуждый обоим героям – французский. Будучи в заключении, Рамирес оставил зашифрованные послания на страницах четырёх французских романов (*Les liaisons dangereuses*, 1782; *La Princesse de Clèves*, 1678 и др.). Ларри обнаруживает книги и начинает расшифровать записи, однако Рамирес не готов узнать правду о своём прошлом, отказывается его признавать: «Знаешь что... все эти записи, что ты прочитал... я не верю ни единому слову... Эти слова – лишь часть романа, к тому же довольно старого» [Puig 1980: 383]. Такое отношение вызвано, с одной стороны, недоверием к Ларри, который неоднократно обманывал Рамиреса, с другой – отказом признавать собственные грехи: «Вы живёте во лжи, как лошадь с шорами. Вы отказываетесь встретиться лицом к лицу с правдой, которая касается вашей личной жизни» [Puig 1980: 624]. Выбор французского языка также представляется неслучайным. Неродной для обоих героев язык позволяет ввести в роман третью точку зрения, не привязанную ни к одному из героев. Кроме того, французский, как ни один другой язык, воплощает в себе идеи революции.

Наконец, отметим, что изначально роман был написан и опубликован на английском языке, лишь затем М. Пуиг сам перевёл его на испанский язык. Он объяснял своё решение так: «<...> мой роман был написан на английском, потому что я пережил этот опыт на английском, и один из героев, Ларри, говорил только на английском. Тогда казалось, что историю нужно рассказывать на том языке, на котором она произошла» [Essoufi 1995: 174]. Представляется, что автор, находясь в чуждой ему культурной среде, также пытался стать её частью, ассимилироваться. Тем не менее некоторые исследователи видят в таком решении М. Пуига протест против идеологической и эмоциональной нагрузки, которую нёс в себе аргентинский вариант испанского языка [Logie, Romero 2008: 4], что, вероятно, справедливо в большей степени для героя Рамиреса, но не для самого М. Пуига.

Таким образом, язык представляет собой не только средство встраивания в новую, чуждую культуру, но отражает связь с прошлым.

Именно язык, будучи, с одной стороны, воплощением духа народа, а с другой – средством государственной пропаганды, становится центральным героем романа М. Пуига. Столкновение двух ненадёжных рассказчиков подчёркивает обманчивость и неточность языка, который становится ключевым препятствием для достижения взаимопонимания.

Примечания

¹Triple A – ультраправая террористическая организация 70-х гг. XX в.

²Грязная война – период государственного террора 1976–1983 гг.

³Здесь и далее перевод наш. – А. Ч.

Список литературы

Шкилёв Р.Е., Дулалаева И.Ю. Мотив изгнания в кубино-американской литературе // Филологические Науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 15. Выпуск 2. С. 382–386.

Carricaburo N. Un abordaje lingüístico del texto. La sintaxis de la oralidad en Cae la noche tropical de Manuel Puig // Letras nº 46/47 (Julio 2002 – Junio 2003). Buenos Aires. 2003. P. 15–32.

Corbatta J. Encuentros con Manuel Puig // Revista Iberoamericana. 1983. P. 591–620.

Cortázar J. Las palabras violadas // Argentina: años de alambradas culturales. Barcelona: Muchnik Editores, 1984. P. 38–42.

Essoufi M., Puig M. Entretien avec Manuel Puig // C.M.H.L.B. CARAVELLE, nº64, Toulouse. 1995. P. 173–178.

Levine S.J. Manuel Puig y la mujer araña. Barcelona: Seix Barral, 2002. 416 p.

Lisi L.F. Literatura argentina del exilio: Horacio Vázquez Rial // Revista de Crítica Literaria Latinoamericana. 9(17). 1983. P. 207–211.

Logie I., Romero J. Extranjería: Lengua y Traducción en la Obra de Manuel Puig // Revista Iberoamericana, Vol. LXXIV, Núm. 222, Enero–Marzo 2008. P. 1–20.

Puig M. Maldición eterna a quien lea estas páginas. Barcelona: Seix Barral, 1980. 256 p.

LANGUAGE AND EXILE IN M. PUIG'S NOVEL “MALDICIÓN ETERNA A QUIEN LEA ESTAS PÁGINAS”

Anastasia P. Chagina

Candidate of Philology, Associate Professor of Higher School of Linguistics

Immanuel Kant Baltic Federal University

236041, Kaliningrad, Alexandra Nevskogo St., 14

liolio@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9654-9318>

Submitted 25.06.2026

The article examines the connection between language and exile in Manuel Puig's novel *Maldición eterna a quien lea estas páginas*. It demonstrates the author's personal experience of exile through the characters in the novel, which is built on a dialogue between two unreliable narrators. Language and words become the primary means of entering a foreign culture, and simultaneously the main obstacle, while the deceptiveness and imprecision of language result in complete mistrust of what is said. The use of language as a tool of political struggle is noted. It is concluded that language plays a key role in the novel and reflects a failed attempt at assimilation into a new culture.

Key words: Manuel Puig, Argentine literature, exile, language, unreliable narrator.

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Чагина А. П. Язык и изгнание в романе М. Пуига “Maldición eterna a quien lea estas páginas” // Мировая литература в контексте культуры. 2026. № 22 (28). С. 63–68. doi 10.17072/2304-909X-2026-22-63-68. EDN FMOETN

Please cite this article in English as:

Chagina A. P. Yazyk i izgnanie v romane M. Puiga “Maldición eterna a quien lea estas páginas” [Language and Exile in M. Puig's Novel *Maldición eterna a quien lea estas páginas*]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2026, issue 22 (28), pp. 63–68. doi 10.17072/2304-909X-2026-22-63-68. EDN FMOETN